

● II ВСЕСОЮЗНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА ● ТЕАТРАЛЬНЫЕ МЕЧТАНИЯ 1986 ГОДА

Сюжет пьесы Михаила Шатрова «Диктатура совести» достаточно прост, как и прием, к которому автор прибегает, чтобы раскрутить действие.

В редакции одной из молодежных газет давно назрел конфликт между людьми «старой закалки», привыкшими оглядываться на каждый окрик «Ой, кажется что-то не то вышло!», и молодыми журналистами, которым такая жизнь надоела. На одной из редакционных летучек вспыхивает спор: перепечатывать или нет заметку из «Правды» за 1920 год под названием «Суд над Лениным», сам заголовок которой до полусмерти пугает руководящую редакционную работницу Зотову.

Кончается спор тем, что журналисты разыгрывают по старому сценарию суд над Владимиром Ильичем. Шатров нанизывает одну на другую сцены, где слово берут обвинители — от Черчилля до современных юных перерожденцев — и защитники. И заканчивается все посрамлением подлоцов различных мастей.

Просто? Очень просто.

Но почему же спектакль, поставленный по этой пьесе в московском театре Ленинского комсомола, стал главным театральным событием года? Почему у нас, в Кишиневе, люди до отказа заполняли и актовый зал ВПТИ, и зрительный зал Республиканского молодежного центра, где шел этот спектакль в постановке народного театра «Данко»?

Подзаголовок пьесы Шатрова: «Споры и размышления 1986 года». Настоящие споры, трудные размышления о дне сегодняшнем, о времени, ко-

торое через толщу лет мы будем вспоминать как революционное... Будем ли? — и об этом пьеса. Мечется из стороны в сторону умный и честный человек — редактор газеты Баташов. Чувствуя правоту молодежи, он все же связан крепкими кузами совместного руководства с Зотовой. Беззащитен перед ее жестким вопросом: «Ты представляешь, что ждет нас завтра, если уже сейчас так!». Почти сдается, когда она успокаивающе говорит: «Будет отлив, непременно будет, поверь своему опыту...» Опыт у Баташова есть. И поэтому молчит он, не отвечает на крик Зотовой, обращенный к возмутителям спокойствия Крымову, Светлане, Гоше: «Вы на кадры руку поднимаете!..»

Перебороть себя Баташов не может. Ленин оправдан по суду, но в воскресную газету редактор заметки не даст. Баташов уходит, с тяжелым вздохом снимая мантию судьи. Он умный и честный человек — редактор Баташов. Он понимает, что не потянет.

Но остается Зотова. Уж она-то будет бороться до конца. За свое место, за свое право идеологического диктата. В ее сознании не укладывается мысль о том, что можно позволить людям действовать самостоятельно, что можно доверить рабочей самой написать о том, что та думает...

Не заигрывает драматург с публикой. Вокруг пьесы начались споры сразу же после ее опубликования. Споры, не затихающие и по сегодняшний день. Что это: «политическая агитка» или «новая драматургия»? Должен играть это драматический театр или агитбригада, где действие переходит в общий диспут?

Неоднократно ловишь себя на желании встать и взять слово: близко, больно все, что говорится со сцены. Но сознаешь: не встал бы и тогда, когда попросили бы высказаться. Не щадит драматург зрителя. Едко спрашивает Черчилль у редактора известной газеты: а

знает ли тот английский язык? Молчит редактор. Удивленно смотрит генерал Карбышев на образованных, интеллигентных ребят и девчат из будущего, которые не знают французского. Провисает в тишине вопрос Зотовой: кто читал «Бесов» Достоевского? Откровением для абсолютного большинства в зале является имя Андре Марти, имя, которое знал каждый в нашей стране в 30—40-е годы... И немало их еще — вопросов залу, которые заставляют задуматься: а готов ли ты защищать социализм, защищать Ленина. Баташов в пьесе колеблется, возражает Крымову, противится появлению свидетеля Андре Марти:

— Мы не готовы к этому разговору!

Крымов жестко отвечает:

— Тех, кто обрушивает на нас горы лжи, абсолютно не интересует, готовы мы или не готовы. Они всегда готовы.

И выходит на сцену Андре Марти. Человек, поднявший в девятнадцатом году восстание на французском флоте, блокировавшем революционную Одессу, человек, снявший эту блокаду, секретарь Коминтерна, член Политбюро ЦК ФКП, депутат парламента. Герой Испании. Человек, именем которого были названы улицы в каждом советском городе, имя которого носили сотни колхозов и совхозов. Человек, который в 1953 году был исключен из ФКП, в том числе и за попытки насаждения в партии полицейских методов.

Готовы ли мы бороться с такими «защитниками социализма»? Вопросы задаются на сцене, но каждый из сидящих в зале, проецируя их на себя, испытывает зачастую чувство неловкости. Над одним не задумывался, другого не знал, о третьем думал упрощенно.

Режиссер народного театра «Данко» Арнольд Бродичанский не побоялся взять пьесу острую и «необкатанную». Не побоялся сделать спектакль быстро, отлично сознавая, что время требует действия, а не долгого обмусоливания, доводки каждой сцены «до совершенства». И «Данко» был награжден полными залами, полным контактом со зрителем, который давно мечтал о таком спектакле. Были вознаграждены участники этой премьеры 1986 года инженер С. Еникова, артист эстрады Э. Аблам, художественный руководитель театра В. Шишов, инженер П. Лерфельд, электрик С. Дануца, режиссер И. Щор, фрезеровщик С. Сичек, студентка Ж. Нестерова, все остальные участники народного коллектива, давно завоевавшего своего зрителя. Театральные мечтания кишиневцев в прошлом году сбылись.

И пусть не ждал «Данко» пока спектакль «созреет», пусть доводился он в ходе премьеры зрителям простилки ему это. Простили за своевременно сказанное острое, честное и открытое слово. «Диктатура совести» на кишиневской сцене состоялась, и кишиневцы в наступившем году ждут продолжения споров и размышлений 1986 года. Стремительность нашей жизни нарастает. Поспеть бы за ней нашим театрам, опередить ее кое в чем — вот о чем мечта театрального зрителя.

М. БОРОДИН.

Фотоколлаж сцен из спектакля С. Воронина.